

Дун Юнцзин уткнулся в еду, его аппетит в последние дни заметно вырос. Когда вошел Дун Юньюань, он лишь мельком взглянул на него, прежде чем снова опустить голову и хлебать кашу. Закончив, он вытер рот и спросил:

— Брат, зачем ты пришел?

— Ты сегодня был во дворце, — Дун Юньюань сел подальше от брата, явно выражая неодобрение. — Ты поступил слишком опрометчиво.

— Я и не думал, что ты окажешься с барышней Ли. Ты видел её всего два раза, — с недовольством произнес Дун Юнцзин. — Раньше я считал, что она подходит тебе из-за своей преданности, но теперь что это вообще?

— Это не повод сразу бежать во дворец. На этот раз князь Юй промолчит, но что будет в следующий раз? — нахмурился Дун Юньюань. — Что подумают другие о нашей резиденции генерала? Тебе пора повзрослеть.

Дун Юнцзин широко раскрыл глаза, глядя на брата, который полностью искажил суть разговора.

— Я ведь делал это ради тебя!

— Если действительно хочешь мне помочь, больше так не поступай, — вздохнул Дун Юньюань. — Юнцзин, отец остался здесь. Ты думал о нём, когда уходил?

— Я понял, — Дун Юнцзин приоткрыл рот, но затем опустил голову, признавая ошибку.

— Юнцзин, — Дун Юньюань подошел к брату и, глядя на того, кто низко опустил голову, произнес:

— Пора быстрее повзрослеть.

Чу Юань наконец дождался этого дня после целого месяца ожидания — дня рождения князя Юя, двадцатого сентября. Император приказал объявить всеобщую амнистию, чтобы разделить радость с небесами.

Лин Сюань с утра начал долгий процесс умывания и одевания, после чего последовала серия обязательных мероприятий. Сначала он проехал в паланкине по внутреннему городу, разбрасывая среди горожан бумажные деньги, которые, как считалось, приносят удачу, будучи освященными в храмах.

Вернувшись во дворец, он провел церемонию жертвоприношения небу, а затем начался обеденный банкет, где наконец удалось немного поесть. После завершения трапезы начался долгий процесс подношения даров. Из-за того, что ранее он видел, как посол преподносил подарки, этот процесс казался особенно затянутым.

— Этот камень добыт из священной земли Начжаму, а затем обработан знаменитым мастером Цзи Ганом, который трудился над ним целый год, — произнесли, поднося предмет, который даже издали поражал своей изысканной работой.

Это была миниатюрная копия дерева сливы, выполненная из драгоценных металлов и камней.

— Мы слышали, что в вашей империи слива ценится особо, поэтому наш король выбрал именно

это.

Кроме того, были преподнесены 188 украшений, 66 картин и свитков, 20 ящиков золота и 108 единиц оружия. Лин Сюань лишь слегка кивнул при виде дерева, остальное же уже давно наскучило.

Затем начался долгий перечень подарков.

— Канцлер преподнес шахматный трактат.

Лин Сюань поднял взгляд. Разве это не тот самый трактат, который ранее подарил ему Чу Юань? Говорили, что это уникальный экземпляр, но, оказывается, их было два?

— Заместитель министра работ подарил пару весенних ваз.

— Министр преподнес свиток «Жизнь в горах у весенней реки».

— Заместитель министра церемоний подарил три ветки снежного лотоса.

Снежный лотос от Чу Юаня? Лин Сюань обратил внимание, что он был живым. Снежный лотос трудно пересадить, но, похоже, это удалось. Это было интересно, хотя Лин Сюань не интересовался лекарственными растениями.

Лин Сюань не проявлял интереса, но Хуанпу Вэнь был доволен. Брак между домом министра и резиденцией генерала укрепил позиции князя Юя. Хотя их отношения были хорошими, для облегчения бремени Лин Сюаня было важно продвигать таких людей, как Чу Юань, которые поддерживали канцлера.

Кстати, внезапный побег Лин Сюаня в прошлом был связан с этими сложными отношениями, но в конце концов он вернулся в этот дворец.

Когда подношение даров завершилось, начались бесконечные льстивые речи, произносимые с таким энтузиазмом, будто их авторы были вдохновлены духом поэта. Лин Сюань оставался равнодушным, хотя неизвестно, как это воспринималось подданными.

Когда все постепенно вернулись на свои места, на центральной площадке начались танцы. Огни зажглись, освещая зал, и под их светом царил суеда. Лин Сюань сидел на своем месте, наблюдая за всем с утра до вечера, изредка разговаривая с императором и наблюдая за весельем подданных.

Внезапно он вспомнил, как однажды в прошлом, находясь на севере, его пригласили на банкет. Это был просто день рождения местного землевладельца, но людей было много, программа была забавной, и все сидели вместе, веселясь. Не было никакой иерархии, но Лин Сюань не смог вписаться.

Все сидели только с теми, кого знали, а тот, кто пригласил Лин Сюаня, исчез, увлеченный друзьями. Изредка кто-то заговаривал с ним, но разговор не клеился. Именно тогда Лин Сюань ясно понял, к какому миру он принадлежит.

Двадцатого сентября Инь Тяньмин, одетый в черные одежды, спокойно стоял на улице. Улицы столицы были широкими и освещенными, все вокруг было организовано с удивительной четкостью. Каждый день патрули выходили на улицы, и даже если случались беспорядки, они быстро пресекались. Даже представители знатных семей не позволяли себе выходить за рамки.

По крайней мере, они не делали этого открыто. Те, кто позволял себе подобное, чаще всего не доживали до следующего дня. Охрана не вмешивалась, но находились те, кто готов был действовать. Князь Юй не был строгим человеком, и тот, кто стоял на императорском паланкине, смотрел спокойно, пока окружающие падали на колени, не проявляя ни капли высокомерия.

Инь Тяньмин скрывался в потайном проходе между двумя лавками, наблюдая, как Лин Сюань медленно проходит мимо. Он не поворачивался, лишь смотрел вперед, изредка разбрасывая бумажные деньги для благословения. В отличие от других знатных юношей, которые даже в скромности не могли скрыть своей врожденной гордости, Лин Сюань не проявлял высокомерия, но обладал естественной аристократичностью.

Он стоял так, будто это было само собой разумеющимся, как золото, которое даже без обработки сохраняет свою ценность. Инь Тяньмин взял одну из бумажек, которая отличалась от обычных денег тонким слоем золота, вплавленным по краям.

Эти деньги были гораздо ценнее, чем казалось на первый взгляд. Инь Тяньмин сложил их и спрятал в рукаве, смешавшись с толпой, которая поднялась на ноги. Он бросил последний взгляд на удаляющийся паланкин и направился в другую сторону.

Церемония жертвоприношения небу проходила во дворце, и жители внешнего города не могли ее видеть, но слышали громкую музыку и обсуждали происходящее. Инь Тяньмин, избежав внимания охраны и теневых стражей, незаметно укрылся в высоком здании, чтобы наблюдать за церемонией.

Лин Сюань сменил одежду, облачившись в красное одеяние, которое подчеркивало его величие и властность. Он стоял впереди, произнес несколько слов, затем взял меч, окунул его в воду и одним движением разрубил деревянную статую. Вытерев лицо, он передал меч слуге, взял зажженные благовония, поклонился и вставил их в курильницу.

Церемония продолжалась, и Лин Сюань оставался спокойным, наблюдая за всем происходящим. Инь Тяньмин, сменив место, увидел, что жертвоприношение все еще идет, но Лин Сюань уже отправился с императором в другое место.

Затем началось торжество в главном зале. Инь Тяньмин не рискнул проникнуть туда, где охрана была наиболее строгой, и остался снаружи, наблюдая. После завершения церемонии он видел, как бесконечная череда слуг несли блюда в зал, а чиновники входили в соответствии с их рангом.

Слуги, меняющие блюда, входили и выходили, не допуская ни малейшей ошибки. Когда начали убирать почти нетронутые блюда, в зал вошли те, кто нес редкие сокровища. Каждый из них был уникален, но даже те, что не попали в зал, были достойны внимания.

Инь Тяньмин, даже не заходя внутрь, мог представить, как Лин Сюань сидит, скучая и раздраженно наблюдая за тем, как подданные волнуются и беспокоятся.

Для Лин Сюаня это был просто скучный день, но для остальных все было иначе. Каждый оценивал богатство и мощь, стоящую за подарками, или пытался угадать мысли вышестоящих, наблюдая за этим великолепным празднованием дня рождения.